

Социологический Институт РАН
Центр Изучения Зон Культурного
Отчуждения и Пограничья
ЦИЗКОП СИ РАН

Социологический институт РАН
– Филиал ФНИСЦ РАН
Центр изучения зон культурного
отчуждения и пограничья

Российский государственный
педагогический университет
им. А.И. Герцена
Институт философии человека

Журнал
HORIZON
Феноменологические
исследования

НАУЧНЫЙ КОЛЛОКВИУМ

Нарративные режимы травмы: кто говорит?

Коллоквиум проводится в рамках 7-й Международной научной конференции
«Механизмы формирования зон культурного отчуждения и пограничья -2020»

**Институт философии человека РГПУ им. А.И. Герцена, Малая
Посадская, 26, Аудитория 101
и в ZOOM-зале**

регистрация для дистанционных участников:

<https://us02web.zoom.us/meeting/register/tZlodu6vqDwsGdxBqKqDvUkiJsSTsk6sxvuV>

Коллоквиум проводится в рамках исследовательского проекта Российского
фонда фундаментальных исследований 18-011-00570 А «ТЕОРИЯ
КУЛЬТУРНОЙ ТРАВМЫ: ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ТРАВМАТИЧЕСКИЙ ОПЫТ
И ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКИХ КАТАСТРОФ»

Программа и Материалы

Санкт-Петербург
2020

Программа Круглого Стола

10 октября 2020

адрес проведения: Аудитория 101 (Институт философии человека РГПУ им. А.И. Герцена, Малая Посадская, 26)

регистрация для дистанционных участников:

[https://us02web.zoom.us/meeting/register/tZlodu6vqDwsGdxBqKqDvUkiJsSTsk6sxvuY](https://us02web.zoom.us/join/https://us02web.zoom.us/meeting/register/tZlodu6vqDwsGdxBqKqDvUkiJsSTsk6sxvuY). Лучше зарегистрироваться заранее.

10-00 – 11-30

Александр Бродский (СПбГУ, Россия / ЦИЗКОП СИ РАН, Россия) **Социальная мифология и ее терапевтические задачи**

Сергей Троицкий (РГПУ им. А.И. Герцена / СПбГУ, Россия / ЦИЗКОП СИ РАН, Россия) **"Вперед, к светлому прошлому!"**

Овчинников Александр (Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия) **Урбанизация и конструкты этнонациональных историй: аспект «фронтирной травмы»**

11-30 – 12-00 Перерыв

12-00 – 13-30

Наталья Артёменко ((СПбГУ, Россия / ЦИЗКОП СИ РАН, Россия)) **Память и забвение: нарративные разломы**

Ксения Капельчук (Университет ИТМО, Россия / Социологический институт РАН, Россия) **Историческая травма в контексте биополитики**

Алексей Смирнов (СПбГУ, Россия) **Пограничье культурной памяти: разобщающие нарративы.**

13-30 – 14-30 Перерыв

14-30 – 16-30

Алексей Сидоров (СПбГУ, Россия) **Культурная травма в кинематографическом нарративе**

Валерия Дудинец (СПбГУ, Россия) **“Кто обладает правом?” - столкновение поколений в интерпретации немецкой культурной травмы**

Светлана Никонова (Санкт-Петербургский государственный университет профсоюзов, Россия) **«Ничто с последствиями»: травматический нарратив и деконструкция**

Анна Новикова (СПбГУ, Россия) **Музыка как травматический нарратив разворачивания субъекта в эпоху модерна: бытие сквозь небытие**

16-30 – 17-00 Общая дискуссия

АННОТАЦИИ ВЫСТУПЛЕНИЙ

Александр Бродский

Социальная мифология и ее терапевтические задачи

В докладе анализируются механизмы формирования социальных мифов и функции, которые эти мифы выполняют по отношению к коллективным травмам.

Доклад включает в себя два тезиса.

Первый тезис состоит в утверждении, что то, что делает тот или иной текст мифом зависит не от его формальных или содержательных особенностей, а от того, как этот текст воспринимается людьми, как понимается значение составляющих его высказываний. Мифом может стать все, что угодно. Миф обычно состоит из описаний, утверждений и объяснений, то есть из высказываний дескриптивного характера. Однако понимание мифа предполагает не знание условий истинности и ложности составляющих его высказываний, а знание условий выполнения определенных требований к поведению. Миф – это дескрипция, понимаемая как прескрипция. Подобный подход позволяет понять, как различные исторические повествования или научные теории, задача которых изначально состояла в описании и объяснении мира, превращаются в мифы, определяющие социальное поведение масс.

Второй тезис состоит в утверждении, что превращение описания или объяснения травматического события в императивы является важнейшей формой терапии коллективного сознания. Описание травмирующего события, которое превращается в призыв к действию и конструированию новой реальности, является едва ли не единственным способом избавиться от деструктивных последствий психологической травмы как на коллективном, так и на индивидуальном уровне.

Однако главная проблема, которую автор постарается если не решить, то по крайней мере, поставить в своем докладе – это объяснения механизмов переформатирования понимания высказываний, выявление средств превращения высказываний, целью которых является «приведения слов в соответствие с миром», в высказывания, целью которых является «приведение мира в соответствие со словами о нем».

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ (18-011-00570 А «ТЕОРИЯ КУЛЬТУРНОЙ ТРАВМЫ: ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ТРАВМАТИЧЕСКИЙ ОПЫТ И ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКИХ КАТАСТРОФ»)

Сергей Троицкий

"Вперед, к светлому прошлому!"

Доклад посвящен проблеме исключенного прошлого и связанной с ней проблеме травматической ностальгии. Вечному возвращению к моменту травмирования. Прошлое в этом ключе предстает как вечный идеал. Травмирующие факторы подвергаются психологическому замещению. Доклад предлагает интерпретацию прошлого с точки зрения говорения, т.е. инструментов конструирования этого прошлого.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ (18-011-00570 А «ТЕОРИЯ КУЛЬТУРНОЙ ТРАВМЫ: ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ТРАВМАТИЧЕСКИЙ ОПЫТ И ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКИХ КАТАСТРОФ»)

Александр Овчинников

**Урбанизация и конструкты этнонациональных историй: аспект
«фронтирной травмы»**

Под «фронтирной травмой» подразумевается выражающийся в особенностях социального поведения комплекс психологических переживаний, вызванных территориальными перемещениями и сменой социального статуса. Объектом исследования выступает сообщество авторов региональных этнонациональных историй Татарстана (в основном, «истории татарского народа»), предметом – «травматический компонент» содержания конструируемых ими нарративов. На основании материалов социологических исследований и данных мемуаров делается вывод о важной роли урбанизационных процессов советского и постсоветского времени в рекрутировании новых членов в местное академическое сообщество. Вынужденное освоение нового и «чужого» (по некоторым параметрам, «чуждого») городского пространства, потеря прежнего социального статуса и значительные усилия по обретению другого, становились для горожанина в первом поколении серьезным травматическим опытом – «фронтирной травмой». Формой психологической защиты могли стать элементы профессиональной деятельности историков, других гуманитариев и деятелей культуры в целом по конструированию нарративов о прошлом своего народа. Эти нарративы (обычно речь шла о «непростой истории взаимодействия этносов») метафорично отражали реалии современных социальных отношений, когда одна социальная группа (бывшие селяне) пыталась «закрепиться» среди других городских слоев населения. Таким образом, можно констатировать интересный процесс перехода личной психологической «фронтирной травмы» в историческую, и последующую публичную манифестацию последней, т.к. содержание этнонациональной истории являлось важной частью национальной идентичности и государственной (в данном случае, региональной,

татарстанской) идеологии. Поощряемая актуализация исторических травм могла приводить и к обратному процессу – переходу исторической («воображаемой») травмы в личную, становящуюся частью мировоззрения уже «коренного» городского жителя (в основном, молодежи). Типичным примером проявления фронтальной травмы является функционирование в текстах по «истории татарского народа» образа захвата Казани войсками Ивана IV Грозного в 1552 г. Эта дата является «переломной» для всего нарратива, фактически, служит маркировкой для обозначения рубежа «золотого века». Образ 1552 г. актуализируется в региональной академической среде и актуальной политике. События более чем 450-летней давности могли служить бывшему селянину, а ныне студенту-гуманитарию или профессиональному историку, глубоко личностным квазиобъяснением собственного нестабильного социального статуса и пережитых трудностей первых лет жизни в городе (в частности, в Казани).

Доклад подготовлен при поддержке РФФИ, проект № 18-011-00658 «ТРАВМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В СЕТЕВОМ ОБЩЕСТВЕ: МЕДИА-РЕПРЕЗЕНТАЦИИ, СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ И СТРАТЕГИИ ДЕТРАВМАТИЗАЦИИ»

Наталья Артёменко

Память и забвение: нарративные разломы

Памятствование сопряжено с забвением столь тесно, что вместе они определяют ритмы нашего сознания. Воспоминание приобретает весомость и значимость за счет преодоления временного интервала, связанного с фазой отсутствующего сознания. Возвращенное из забвения воспоминание дополняется новыми деталями, природа которых может быть как вполне реалистичной (отсылающей к забытым, но реально существовавшим деталям), так и фантазматической (в местах провалов память может достраивать сюжет, используя вымышленные детали). Забвение же может быть как сохраняющим (латентная память), так и связанным с утратой (А. Ассман пишет о семи формах забвения). Предметом нашего исследования будет пространство «между» памятствованием и забвением, их скрещивание и пересечения, которые находят отражения в нарративах разного уровня. Нарратив – это всегда сложное переплетение переживания и рассказа о нем, индивидуального и коллективного опыта, это далеко не всегда репрезентация, а чаще всего – конструкция, но от этого эпистемологическая ценность нарратива не умаляется, поскольку любая конструкция – это репрезентация иного порядка, демонстрирующая механизмы конструирования.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ (18-011-00570 А «ТЕОРИЯ КУЛЬТУРНОЙ ТРАВМЫ: ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ТРАВМАТИЧЕСКИЙ ОПЫТ И ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКИХ КАТАСТРОФ»)

Ксения Капельчук
Историческая травма в контексте биополитики

Понятие травмы как опыта, который принципиальным образом не может быть пережит, который ускользает от репрезентации, но о котором при этом невозможно судить кроме как по неким следам в способах его репрезентации, является глубоко парадоксальным. Трактовки исторической травмы располагаются между двумя крайними полюсами: с одной стороны, теории, настаивающие на непредставимости травмы и в некотором смысле её возвышенности, с другой, теории, сводящие травму к механизмам репрезентации. Исследования исторической травмы, являясь полем пересечения целого ряда исследовательских стратегий, при этом своеобразным способом оказываются вписаны в ландшафт современной социальной аналитики, имеющей дело с феноменом биополитики. Они оказываются связаны через такое понятие, как жертва.

Дискурс биополитики включает в качестве своего необходимого элемента представление о невинной и пассивной жертве: механизмы контроля, внедряемые в тело общества, так или иначе обнаруживают свое обоснование через отсылку к пострадавшему – реальному или потенциальному, – которого необходимо оградить от той или иной опасности. Вставая на сторону жертвы, биополитика вместе с тем её конструирует. Джорджо Агамбен описывает фигуру *homo sacer* как тот постоянно исключаемый, но раз за разом воспроизводимый элемент, который предстает сегодня в форме «голой жизни». Двойственность в понимании травмы в этом контексте находит свое обоснование через включенность в логику функционирования биополитики и вместе с тем дает ключ к пониманию её механизмов.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ (18-011-00570 А «ТЕОРИЯ КУЛЬТУРНОЙ ТРАВМЫ: ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ТРАВМАТИЧЕСКИЙ ОПЫТ И ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКИХ КАТАСТРОФ»)

Алексей Смирнов
Пограничье культурной памяти: разобщающие нарративы

Нарративы, отражающие травматический опыт, становятся важным компонентом как современной культурной памяти, так и мемориальной культуры. Мемориальная политика использует эти нарративы для достижения своих целей, связанных с конфигурациями национально-государственной идентичности. В современных условиях (влияние масс-медиа, а теперь и интернета на характер коммеморативных практик), мемориальная политика целенаправленно формирует мемориальную культуру, которую можно

рассматривать как некий топос, пространство культурной памяти и ее репрезентаций.

Культурная память неоднородна, в ней существуют области, не вполне вписывающиеся в актуальную мемориальную политику сообщества или государства. В этом случае те или иные области культурной памяти оказываются вытесненными «на границы» мемориального ландшафта, прежде всего потому, что они не способны содействовать решению актуальных задач мемориальной политики, а иногда и напрямую противодействуют им. Любой политический процесс предполагает управление балансом интересов политических субъектов, что, без сомнения, относится и к мемориальной политике. Соответственно, отдельные фрагменты культурной памяти, том числе и нарративы, которые выводят из забвения травматический опыт прошлого, могут повлиять на социальный баланс. Внедрение этих нарративов в мемориальную культуру приводит к образованию в ней точек напряженности, угрожающих ее устойчивому существованию. В непростые моменты развития отдельных стран или регионов «мемориальная напряженность» приводит к так называемым «войнам памяти», в которых, наряду с иными средствами, используются и элементы мемориальной культуры. Вероятность усиления «мемориальной напряженности» усиливается не только с развитием медиа, но и с появлением глобальных или транснациональных социальных структур, формирующих новую мемориальную культуру и мемориальную политику. В докладе рассматриваются примеры подобных нарративов, роль которых, конструктивная или деструктивная, оказалась важной в формировании современного культурного ландшафта.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ (18-011-00570 А «ТЕОРИЯ КУЛЬТУРНОЙ ТРАВМЫ: ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ТРАВМАТИЧЕСКИЙ ОПЫТ И ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКИХ КАТАСТРОФ»)

Алексей Сидоров

Культурная травма в кинематографическом нарративе

Понятие культурной травмы в современной цивилизации образа («видеосфере»), как определил ее Р.Дебре) с преобладанием визуальной среды, тесно связано с иконографическим изображением катастрофических событий и их нарративизацией в кино. Фильмы не только помогают преодолеть разрыв между индивидуальными страданиями и общественным сознанием, показывая вымышленные или документальные шокирующие образы широкой аудитории, но и способствуют распространению нарративов, которые влияют на то, считают ли отдельные лица, общественные группы или общество в целом себя травмированными. Как указывал Дж. Александер, культурные травмы не являются чем-то естественным, но ретроактивно конституируются обществом

посредством публичной рефлексии и дискурсов, в которых медийные репрезентации, в том числе и кино, играют ведущую роль. В разрыве между событием и его репрезентацией, называемом «процессом травмы», происходит борьба за значение, определяющая боль, жертву и ответственность и пересоздающая коллективную память и идентичность. Теория культурной травмы должна включать в себя анализ эстетических, нарративных, драматургических и диегетических функций киноязыка, предоставляющих возможность исследования и воплощения личного и коллективного травматического опыта.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ (18-011-00570 А «ТЕОРИЯ КУЛЬТУРНОЙ ТРАВМЫ: ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ТРАВМАТИЧЕСКИЙ ОПЫТ И ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКИХ КАТАСТРОФ»)

Валерия Дудинец

“Кто обладает правом?” - столкновение поколений в интерпретации немецкой культурной травмы

Термин травмы сложен тем, что тяжело обозначить точные теоретические рамки термина, так как изучение феномена травмы включает в себя одновременно анализ большого числа других аспектов. Одним из самых сложных и актуальных аспектов теории травмы сегодня — это вопрос об интерпретации травмы. Несмотря на то, что существует достаточно большое количество научных работ, посвященных исследованию травмы, большинство из них часто оставляет вопрос об интерпретации травмы нераскрытым. Одна из главных проблем в исследовании интерпретации заключается в противоречивости тезисов, выдвигаемых в исследовательской литературе. Часто тезис одного автора — полная противоположность тезиса другого. Момент ясности в теорию интерпретации травмы может внести не столько теоретический анализ самого феномена травмы, а анализ "практического применения" теории. В данном докладе рассмотрены этапы формирования и развития интерпретации травмы на примере немецкой травмы XX века. Конечно, акцентирование теории лишь на одном примере отчасти упрощает доклад и лишает его теоретической полноты. Однако такое решение помогает поставить в центр исследования не теорию травмы, а анализ практик проговаривания травмы и ей интерпретации в отдельно взятой культуре. При этом анализ немецкой травмы интересен тем, что в проговаривании травмы важную роль сыграл конфликт поколений — поколения участников событий, приведших к травме, и поколения, уже не имеющего травматического опыта. Именно этот конфликт актуализировал вопрос о праве на проговаривание травмы в немецкой культуре.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ (18-011-00570 А «ТЕОРИЯ КУЛЬТУРНОЙ ТРАВМЫ: ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ТРАВМАТИЧЕСКИЙ ОПЫТ И ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКИХ КАТАСТРОФ»)

«Ничто с последствиями»: травматический нарратив и деконструкция

Психоаналитик Аленка Зупанчич интересным образом высказывается о сексуальности, которая, в первую очередь, определяется психоанализом как принципиально травматичная. Она утверждает: «Психоанализ – это не наука о сексуальности. Он не говорит нам о том, чем является секс в действительности; он говорит нам, что для секса нет никакой “действительности”. Но это не то же самое несуществование, как скажем, несуществование единорога. Это несуществование в реальном, которое, парадоксальным образом, оставляет реальные следы. Это вакуум, который запечатлевается в реальном. Это ничто, или негативность, с последствиями» (Зупанчич А. Секс и бытие. СПб, 2019, с.58). То есть центр травматического опыта определяется здесь как ничто, но ничто с последствиями. Что может быть лучшим определением травмы и особенно культурной травмы, имеющей отношение к структуре человеческой субъективности, проявляющей себя в существенных мировоззренческих сдвигах? Кто же говорит в травматическом опыте? Если в случае индивидуального травматического опыта в культурном плане, мы можем хотя бы надеяться на работу с конкретными людьми и их речью, то в плане культурной травмы перед нами открывается лишь ничто с последствиями. Индивидуальная речь скорее выступает как следствие, проявление того изначального надлома, который ею управляет. Она уже переструктурирована им. Она есть симптом травмы, следствие травмы, но в ней нет самой травмы, и травма не выражается ею. Индивидуальная речь – речь, определенная травматическим переломом, который сам по себе нем и неизвестен. Мы предполагаем, что деконструкция представляет собой практику, родившуюся в самоосмыслении культурной травмы современности, направленную на проявление того ничто, которое управляет, в том числе, и ее собственной возможностью как симптомом травмы.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ (18-011-00570 А «ТЕОРИЯ КУЛЬТУРНОЙ ТРАВМЫ: ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ТРАВМАТИЧЕСКИЙ ОПЫТ И ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКИХ КАТАСТРОФ»)

Анна Новикова

Музыка как травматический нарратив развертывания субъекта в эпоху модерна: бытие сквозь небытие

В докладе музыка рассматривается в качестве специфического нарратива, регулирующего процесс самовыражения человека, в рамках которого он реализуется в качестве субъекта. Исходной точкой выступает произведенный С.

Жижekom анализ романтической музыки и его вывод о ее ключевой роли в формировании сути субъекта. Развивая тезис Жижека о музыке как «ноуменальном» потоке, выходящим за границы лингвистического значения, мы попробуем продемонстрировать травматичность этого выхода во вне. Музыкальная ткань, превращаясь из самоцели в организующий принцип, создает пространство, внутри которого субъект разворачивается, предстая перед самим собой. Этот принцип выступает в качестве нарратива, продуцирующего не субъекта как результат, а саму возможность существования субъекта. Продуцирование возможности, не подкрепленной безусловностью собственной реализации, оказывается травматическим. Жижек говорит о «суть субъекта», мы же, более детально останавливаясь на этом процессе, предпочтем обозначить ее в качестве «потенции субъекта», которая парадоксальным образом оказывается единственным способом его бытия, являясь в то же время и формой небытия. Существовая в пространстве возможности, субъект модерна демонстрирует неизбежность травматического характера собственных оснований. Таким образом романтическая музыка, превращаясь из произведения в нарратив формирования возможности субъекта, повторяет судьбу модернистского субъекта, который также нивелирует собственную сущность, чтобы явиться в качестве разрыва, высвечивающего травматичность отсутствия.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ (18-011-00570 А «ТЕОРИЯ КУЛЬТУРНОЙ ТРАВМЫ: ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ТРАВМАТИЧЕСКИЙ ОПЫТ И ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКИХ КАТАСТРОФ»)